

Л. Р. Коган

Автобиография

Родился в 1885 г. в Одессе. Отец мой был инженер-технолог. В 1903 г. окончил с золотой медалью одесскую 5-ю гимназию, а в 1908 г. с золотой медалью историко-филологический факультет Новороссийского университета. Не был оставлен при университете из-за еврейского происхождения. Пополнял свое образование во время неоднократных поездок за границу. Преподавал в частных средних учебных заведениях, читал лекции в Народной аудитории в Одессе, много работал по организации общественных библиотек. Состоял директором (по выборам) мужского коммерческого училища. После февральской революции был одним из организаторов Народного университета в Одессе. Октябрьская революция дала возможность работать в Высшей школе. С 1924 г. читал курс русской литературы XIX в. в Одесском институте народного образования, состоял одновременно зав. отделами (лекционным и библиотечным) одесского губполитпросвета и директором Государственной библиотеки. В 1927 г. переведен был в Харьков, где работал в Институте народного образования, в институте педагогики и состоял членом коллегии Главполитпросвет УССР.

В 1928 г. приглашен в Ленингр. политпросвет. институт им. Н. К. Крупской заведывать кафедрой литературы и искусств и читать курс русской литературы XIX в., в этом институте я работаю бессменно до октября 1941 г. В 1939 году избран депутатом Ленинградского Город. Совета. В марте 1942 г., после тяжелой болезни, был эвакуирован с Педагогическим институтом им. Покровского в г. Ессентуки. Летом восстановил педагогическую и научную работу в этом институте, но 4 августа 1942 г. вынужден был пешком эвакуироваться из Ессентуков. Находясь в г. Новосибирске, я получил приглашение занять кафедру русской литературы в Казахском гос. университете в г. Алма-Ата. Здесь пробыл до осени 1945 г. Заведывал кафедрой, читал курс русской литературы второй половины XIX в., вел спец. курсы и спец. семинары, руководил аспирантами, состоял членом Ученого совета университета. Работал также на Ленинских курсах ЦК КП(б). Осенью 1945 г. вернулся в Ленинград по вы-

зову Библиотечного института им. Н. К. Крупской. За работу по подготовке научных кадров награжден грамотой Верховного Совета КазССР.

Имею ученую степень кандидата филологических наук и ученое звание доцент. Окончил докторскую диссертацию. В 1943 г. исполнилось 35 лет моей педагогической и научной работы.

Вел и веду большую общественную работу. В частности, за годы революции мною прочитано в порядке шефства около 300 лекций для Красной Армии и Красного флота.

Л. Коган. Октябрь 1945 г.

Л. Р. Коган

В тридцатых годах: страницы из воспоминаний

Когда в 1928 году я начинал работу в Коммунистическом политпросветинституте им. Н. К. Крупской, в программе его литература занимала очень скромное место. В сущности говоря, курсы литературы существовали только на библиотечном отделении, да и то при весьма ограниченном количестве часов. Впрочем, вдобавку к лекциям по истории русской литературы 19 и 20 веков и к маленькому обзору классической иностранной литературы, здесь полагался специальный курс: «Политпросветработа с художественной литературой» с практическими занятиями.

На школьном отделении читался лишь небольшой обзорный курс русской литературы 19 и 20 веков, а на политико-просветительном – не было и этого.

Меня пригласили в Институт, потому что не удавалось найти преподавателя для специального курса, в то время как я читал такой курс еще с 1924 г. сперва в Одесском, а затем в Харьковском институте народного образования. Об этом ленинградские товарищи знали из моего выступления на первом библиотечном съезде в Москве и со слов студентов-одесситов.

Руководство Института (директором тогда была Я. Нетупская¹) понимало значение художественной литературы для политпросветработников, а потому решило увеличить количество часов по литературе на библиотечном и школьном отделениях.

Что же касается политико-просветительского отделения, то здесь литература была введена лишь в начале 30-х годов.

Впрочем, руководство рассматривало литературу, как предмет подсобный, как один из видов политпросветпропаганды, пригодной для всякого рода «кругов чтения», «мостов к чтению научно-популярных книг» и т. д., оставляя в пренебрежении специфику литературы. Поэтому не существовало специальной литературной комиссии, и я числился по комиссии библиотековедения.

Такое отношение определялось практическими задачами Коммунистического института, который по существу служил некоей промежуточной ступенью между средним учебным заведением и институтом. В нем много внимания уделя-

лось школьным предметам: русскому языку, физике, естествознанию и т. п., так как общее образование взрослых студентов, принимавшихся по разверстке округов, было крайне недостаточно.

Преподавание осложнялось еще введением пресловутого Дальтон-плана², который лишал лекцию ее первенствующего значения. Лектор в вводном слове лишь вкратце освещал содержание темы и указывал, как над ней работать, а далее студенты, разбившись на группы, самостоятельно прорабатывали материал и сообщали преподавателю свои выводы, в большинстве – примитивные.

У студентов Комвуза была горячая жажда знания и большое увлечение работой, но учебников не существовало, одолеть в короткий срок большой текстовый материал они не умели, критическая литература – в значительной мере формалистическая и вульгарно-социологическая – сбивала с толку, и понятно, что пользы от таких занятий получалось мало. Заметив это, я несколько тем осветил подробными лекциями, для проработки которых можно было воспользоваться спецкурсом «Политпросветработа с художественной литературой».

После этого студенты стали просить не применять Дальтон-план к литературе. Я. Нетупская прослушала одну из лекций и .... согласилась. Впрочем, Дальтон-план просуществовал недолго.

В начале 30-х годов в Институт разрешено было принимать, опять-таки по разверстке, комсомольцев (однако великовозрастных, со стажем не менее трех лет), а вслед за тем произошла решительная реформа, превратившая Комвуз в настоящее высшее учебное заведение. Общеобразовательные предметы исчезли из программы, и настало время для значительного расширения литературных знаний студентов. Институт имел теперь три факультета: библиотечный, политико-просветительный и школьный. Короткое время просуществовали еще два факультета: антирелигиозный (в первой половине тридцатых годов) и музейный (в конце тридцатых годов).

Литература введена была на всех факультетах, и с 1932 г. организовалась кафедра литературы, заведование которой было поручено мне. В нее, кроме меня, вошли: Н. П. и О. П. Гуля, Н. Н. Кононов³ и В. Н. Архангельский. Фольклор и западноевропейскую литературу читал Н. П. Гуля⁴, сменивший работавшую до тех пор В. В. Ивашеву (ныне канд. фил. наук и доцент Черновицкого университета). О. П. Гуля⁵ специализировалась по античной литературе, Н. Н. Кононов читал обзор древней русской литературы 18 века и частично XIX века, я вел курс русской литературы XIX в., В. Н. Архангельский – курс советской литературы. В 1934 году понадобился еще один преподаватель советской литературы, и в состав кафедры включена была А. Н. Шишмарева⁶, только что окончившая ГАИС.

К 1937 году кафедра подверглась большой реформе. Дело в том, что на политико-просветительном факультете введены были курсы по истории изобразительных искусств, музыки, театра и кино, а так как каждый предмет читался только одним

преподавателем, то организовывать специальные кафедры оказалось невозможным. Поэтому руководство института всех специалистов по искусству включило в наиболее родственную им кафедру литературы, получившую название «кафедра литературы и искусства».

Так к литературоведам присоединились хорошо подготовленные и талантливые лекторы А. Е. Будяковский⁷ (по истории музыки), Л. И. Пумпянский⁸ (однофамилец известного тогда литературоведа – Л. В. Пумпянского, по истории изобразительных искусств), Э. М. Арнольди⁹ (по истории кино) и Г. К. Соловьева¹⁰ (по истории театра). Для них мы образовали особую секцию под руководством Э. М. Арнольди, но они принимали действенное участие и в общих собраниях кафедры. Лекции Будяковского сопровождалась музыкальными иллюстрациями, Пумпянский демонстрировал великолепные диапозитивы, которые получал в Академии художеств, а в Доме кино студенты знакомились на специальных сеансах с фильмами (или частями фильмов), о которых слышали на лекциях Арнольди.

Интерес к художественной литературе возрастал среди студенчества с каждым годом. Сперва великовозрастные студенты-партийцы скептически покачивали головой, глядя на буйное комсомольское племя, заполнявшее аудитории. Затем и они, и комсомольцы с недоумением взирали на вчерашних школьников, устремившихся в Институт. Часто можно было слышать: «Что за детвора пошла! Ну, что они понять могут!» Однако «детвора» в значительной своей части оказалась не менее начитанной, чем «взрослые», так как к этому времени в школах усилено было преподавание литературы. Правда, знания эти были все-таки недостаточны, и перед молодой кафедрой раньше всего встал вопрос о репертуаре чтения студентов и об умении их воспринимать художественный текст. Вот почему строгое «академическое» изложение материала не привело бы к нужным результатам. Взволновать слушателей, разбудить их воображение, всемерно приблизить к ним писателя и его творчество – вот что требовалось от лекции. Иначе говоря, встал вопрос о мастерстве лекций – вопрос трудный и сейчас, а в то время тем более. Увлекательная лекция неизменно влекла за собой усиленное чтение. И я, и мои коллеги, особенно талантливый Николай Петрович Гуля, к сожалению, столь рано умерший, и ныне здравствующий Н. Н. Кононов учитывали это в полной мере. В той или иной степени к тому же стремились и остальные члены кафедры.

Но тут лектору угрожала опасность упростить содержание лекции, сбиться на тон лектора-массовика. Нечего греха таить: такие случаи бывали, и приходилось не раз бороться с этим злом. Я вспоминаю такой случай: я рассказывал на II курсе об обстоятельствах гибели Пушкина. Студенты слушали затаив дыхание. Едва я упомянул о выстреле Дантеса, вскочил один из студентов, темпераментный грузин, и закричал на всю аудиторию:

– Я б его (Дантеса) зарезал!

Эта неожиданная выходка могла бы возбудить смех, но никто не засмеялся, все поняли состояние товарища.

Доводить лекцию до такого эффекта, конечно, не следовало. Постепенно набираясь опыта, члены кафедры учились сочетать серьезное содержание лекций с достаточной выразительной формой: лекции становились академичными, но без сухости ложно понимаемого «академизма». На этом пути решающее значение имело изучение марксистско-ленинской теории и, особенно тогда, работ В. И. Ленина.

Выступления А. М. Горького и А. А. Жданова на первом съезде писателей дали достаточную опору против всякого рода формалистических и вульгарно-социологических вывихов.

Особенно трудно приходилось молодым преподавателям советской литературы. Стоит только вспомнить схематические путаные программы того времени, чтобы понять это. На помощь товарищам приходила вся кафедра и не только путем обсуждения теоретических вопросов и планов лекций, но и путем коллективной пропаганды наиболее выдающихся произведений советских писателей. Так, например, появление в печати романа Н. Островского «Как закалялась сталь» было отмечено беседами **всех** преподавателей во **всех** студенческих группах и организацией большого вечера с обсуждением романа. Выступали не только все члены кафедры, но и студенты. Результат вечера оказался весьма положительным, и мы не раз прибегали к подобным средствам. Это не решало, конечно, вопросов о достаточном уровне систематического курса советской литературы, но в значительной степени содействовало правильному, партийному пониманию произведений советских писателей.

В первые же месяцы существования кафедры остро ощутилась необходимость в углубленной индивидуальной научной работе, и отнюдь не потому только, что надлежало получить соответствующие ученые степени и звания. Без научной работы нечем было дышать, не было роста, не было глубокого проникновения в самую суть преподаваемой дисциплины.

Конечно, одними лекциями, даже удачными, а они не всегда бывали удачны, удовлетворить интерес студентов к художественной литературе было невозможно. По счастью, кафедра получала немалую помощь со стороны. И здесь раньше всего следует упомянуть о библиотеке Института. В первые годы моей работы ею заведовал замечательный знаток книги и превосходный организатор – Яков Васильевич Ривлин¹¹. Он пользовался всеобщим уважением как преподавателей, так и студентов. Его рекомендация книги неизменно вызывала очередь на ее чтение. Ривлин не скупился на приобретение художественных текстов и не ждал заказа. Он был в курсе всех издательских планов и во время улавливал новинки. Его весьма почитали все антиквары, и это помогало ему доставать редкие и ценные издания. Ривлин воспитал целую группу превосходных библиотекарей: Голинскую, Генову, Полякову и др., которые, в свою очередь, охотно помогали кафедре.

Среди библиографов, работавших в Институте, выделялась очень своеобразная фигура Я. Е. Кипермана¹². В те годы, когда я познакомился с ним, он болел тем недугом (ТВС), который преждевременно свел его в могилу, но болезнь не могла угасить его пламенную любовь к литературе и искусству. Я сказал бы, что он был фанатиком художественной пропаганды и отличался удивительной эрудицией. Студенты побаивались Я. Е. Кипермана, как строгого и взискательного преподавателя, но вряд ли кто обошелся без его помощи, а о преподавателях и говорить нечего. Смерть Кипермана была большой утратой для Института.

Учрежденную в 1932 г. кафедру библиографии возглавил Александр Петрович Кулаков¹³, в котором кафедра литературы и я лично нашли большого друга. Человек большой культуры, весьма приятный в обращении, Александр Петрович с самого начала проявил живой интерес к работе кафедры литературы. Он был тонким знатоком творчества не только русских, но и иностранных писателей, и его суждения о них всегда были глубоки и оригинальны. Он не раз присутствовал на заседаниях кафедры литературы, а на своих лекциях по библиографии часто и энергично пропагандировал художественные произведения.

Следует упомянуть также, что в тридцатых годах мы пользовались и авторитетной консультацией по библиографии искусств, которую преподавал известный библиограф О. Э. Вольценбург¹⁴. Большую помощь оказывал нам и кабинет литературы, организованный при кафедре. Сперва под руководством Г. А. Озеровой¹⁵, а затем в течение долгих лет под руководством Н. И. Климонтова¹⁶ кабинет развернул библиографическую и консультативную деятельность и стал надежной опорой кафедры в ее научной, лекционной, кружковой и массовой работе.

Конечно, интерес к литературе среди студенчества был неодинаков. Нашлось немало студентов, которые различными способами давали понять, насколько увлекает их искусство. На лекции по литературе, истории музыки и живописи, театра, кино «сбегали» студенты с других занятий, и деканы не раз ворчали на подобные нарушения учебной дисциплины. На этот счет бытовала даже пословица: «рыба ищет где глубже, а студент – где интереснее».

Нашлись и такие студенты, которые пытались сами сочинять что-либо.

Так возник литературный кружок, в котором объединились студенты разных факультетов. Кафедра пошла навстречу этому стремлению студентов, но поставила кружку определенные границы. Мы считали полезным, чтобы будущие политпросветработники овладели теми литературными формами и навыками, которые могли им пригодиться в дальнейшей практической работе. Умение написать живую корреспонденцию в газету, бытовую сценку, небольшой очерк – все это давало бы в руки политпросветработника оружие для агитации и пропаганды. Мы полагали, однако, что поощрять кружковцев к созданию крупных художественных произведений не наше дело и, ежели обнаружится подлинный литературный талант, следует направить его в литературные кружки при писательских

организациях и журналах. Впоследствии нам пришлось несколько изменить свой взгляд на это дело. Как бы то ни было, а кружок стал работать довольно успешно, причем обнаружился ясный уклон в сторону очеркизма. Кружковцы с большим интересом читали и разбирали очерки таких талантливых писателей тридцатых годов, как В. Галин¹⁷, В. Ставский¹⁸, И. Жига¹⁹, и понемногу сами стали упражняться в этом роде. Однако среди студентов оказалось и несколько поэтов, руководить которыми никто из членов кафедры не мог. Идти в другие кружки они отказались наотрез: очень уж привязались к своему институтскому. Мы были вынуждены пригласить для занятий с ними молодого поэта Н. Л. Брауна²⁰, который и руководил этими кружковцами несколько лет подряд. Кое у кого результаты получились неплохие. Нашелся и подлинный талант – студент библиотечного факультета Василий Коблов. Он делал быстрые успехи. Его стихи, опубликованные в стенной газете института, не раз привлекали к себе внимание. Мы, однако, не разрешали ему печататься в газетах и журналах, ожидая от него таких стихов, которые сразу выделили бы его среди массы начинающих поэтов.

Об этом даровитом юноше хочется сказать несколько слов. Коблов происходит из рабочей семьи, отлично успевал во всех изучаемых науках, был активным комсомольцем. Где он находил время для усиленного чтения (а читал он не только жадно, но и весьма продуктивно) – не знаю. Но Коблову всегда казалось, что он мало знает, в то время как в общем развитии он далеко обогнал своих сотоварищей. Он отличался большой скромностью, даже застенчивостью, не любил много говорить, а больше слушал. Но, если разговор касался интересного для него предмета, его глаза загорались, смуглое лицо покрывалось румянцем, и он с увлечением пускался в обсуждение или в спор. Высокий, чуть сутулый, он сразу выделялся в аудитории. Его любили все – и товарищи и преподаватели. По окончании института он был оставлен аспирантом по библиографии художественной литературы. Темой для своей диссертации Коблов избрал альманахи 1905–1907 гг. Он с увлечением рылся в архивах и неоднократно прибегал ко мне со своими «открытиями». Помню, как его потрясло одно письмо Леонида Андреева к Арцыбашеву. В этом письме Андреев крайне резко отзывался о Горьком, считая последнего разрушителем литературы и неприятной личностью.

– Подумайте только! – кипятился Коблов, – в этот же день Андреев писал Горькому, называя его главой современной литературы и восхваляя его творчество. Как это назвать?!

Коблов окончил свою диссертацию как раз к началу Отечественной войны. В первые же дни войны он был мобилизован и в качестве командира артиллериста отправлен на фронт. Командование обещало ему краткосрочный отпуск для защиты диссертации. Увы! Эта защита не состоялась. Коблов погиб в одном из первых боев.

Я не знаю, сохранились ли рукописи его стихов и диссертации.

На одном из первых осенних собраний кружка появился чубастый паренек, общивший, что его зовут Григорий Мирошниченко²¹, что он из донских казаков и до сих пор работал на одной из железнодорожных станций Донбасса. Привез он большую поэму, над которой работал долго и упорно. Поэма ему самому очень нравилась, и он был уверен, что создал нечто значительное. При слове «поэма» лица у всех опытных кружковцев вытянулись: они хорошо знали, что такое поэма начинающего поэта.

Я взял рукопись, просмотрел ее дома и передал для чтения другим кружковцам. Автор не имел никакого понятия о стихосложении, и поэма, естественно, оказалась ниже всякой критики. Для нас было совершенно ясно, что никакого поэта из Мирошниченко не выйдет. И все же некоторые детали, наблюдательность, довольно разнообразный словарь заставляли думать, что, может быть, в прозе Мирошниченко добьется иных результатов. Это ему и сказали на ближайшем собрании со всей товарищеской прямоотой. Молодой автор сидел бледный, сжав губы, и исподлобья метал злые взгляды на своих критиков. Возражать он не мог, так как критика была вполне обоснованная. Я посоветовал ему писать только о том, что он сам видел, и притом в прозе.

– Хорошо! процедил он сквозь зубы. Я к следующему разу напишу.

Действительно, через две недели он заявил, что хочет прочесть небольшой отрывок. Это оказалась злейшая сатира на собрание кружка. Здесь крепко досталось и мне и другим критикам. Эффект получился не тот, на который рассчитывал автор: никто не обиделся и не озлился, но все хохотали до упаду. Что Мирошниченко сможет писать прозой, стало теперь совершенно ясно. Я несколько раз и подолгу беседовал с ним. Он рассказывал очень яркие эпизоды из времени гражданской войны, когда вместе с другими ребятами на железнодорожной станции он помогал красным. Я посоветовал Мирошниченко написать все то, что он мне рассказывал. Он это и сделал. Так постепенно создавалась его первая книга «Юнармия», столь излюбленная нашими ребятами и выдержавшая ряд изданий.

Пришли на помощь кружку и крупные писатели: В. Я. Шишков и А. Н. Толстой.

В другом месте я уже подробно рассказывал о связи В. Я. Шишкова с нашим Институтом (см. сборник: Шишков В. Я. Неизданные произведения, воспоминания, письма / В. Я. Шишков – Л.: Лениздат, 1956. – С. 195–198).

Здесь я ограничусь только упоминанием о том, что Шишков тщательно просматривал опыты кружковцев, покрывал их сетью своих замечаний и всячески поощрял молодых авторов к изучению богатств народного русского языка.

Выходя за рамки кружковой работы, В. Я. Шишков неоднократно выступал в широкой студенческой аудитории с чтением своих произведений, очень активно участвовал в обсуждении своей повести «Странники», устроенном комсомольцами Института, и даже пригласил весь кружок приехать к нему в Детское Село, так как кружковцы хотели посмотреть его черновые рукописи. Эта встреча состоялась

во время выезда кружковцев в Детское Село для прогулки по Пушкинским местам. Увидев, как беспощадно правит писатель свои рукописи, один из кружковцев завопил:

– Ну, если опытейший писатель так беспощадно относится к своей работе, то, что же делать нам грешным?

– Быть еще беспощаднее, улыбаясь, ответил Вячеслав Яковлевич.

Нелегко было залучить в кружок А. Н. Толстого, который терпеть не мог обычного вопроса начинающих: как надо писать? В таких случаях он обычно отвечал, что научить кого-либо писать нельзя, что писателем надо родиться, что каждый писатель учится самостоятельно на всем предшествующем опыте литературы. Однако он охотно провел беседу о том, как сам работает над своими произведениями. Это была очень увлекательная беседа, мастерски изложенная.

Толстой рассказывал о своей работе над книгами «1918 год» и «Петр I». Он говорил о собирании и изучении материала, о сочетании лиц исторических и вымышленных, о художественном языке. Насквозь через все эти суждения проходила стержневая мысль об идее произведения. Кружковцы засыпали писателя вопросами. Он отвечал очень остроумно. Мы упросили Алексея Николаевича повторить эту беседу для широкой студенческой аудитории. Не помню уж почему, эта беседа состоялась для студентов библиотечного факультета. Войдя в огромную аудиторию, переполненную слушателями, в большинстве девушками, Толстой сделал испуганное лицо и громко спросил:

– Неужели это все будущие библиотекари?

И получив утвердительный ответ, покачал головой:

– Плохо! Плохо!

– Почему? – огорченно вскричали девушки.

– Библиотекари – опасный народ, – нарочито дрожащим голосом ответил А. Н. – Вот, не понравилась которой-нибудь, и она так засунет твою книгу, что сам черт ее не найдет. И пропала книга: не дойдет она до читателя.

Раздался общий хохот.

– Вашим книгам это не угрожает. Побольше бы их было, – кричали со всех сторон.

– Хорошо, коли так, – улыбнулся Алексей Николаевич. – Во всяком случае, нам писателям нужно быть в дружбе с библиотекарями.

Он повторил свою беседу, значительно расширив ее и добавив интереснейшие подробности.

Студенты провожали его овацией, которая вынеслась на лестницу и даже на улицу, изумив мирно шагавшего милиционера.

Успехи кружка привели к тому, что при мобилизации партийцев для политпросветработы в МТС и в районных газетах большинство кружковцев были мобилизованы. Они получили назначения преимущественно в Сибирь. Их практика наглядно

показала студентам, какую огромную силу представляет собой художественная книга в руках политпросветработника, а кафедру научила ценить массовую работу.

Вот очень наглядный тому пример:

Месяца через два после выхода в свет первой части «Поднятой целины» Шолохова мы получили от нескольких наших бывших студентов, работавших в одном из районов Сибири, письмо с просьбой прислать хотя бы десяток экземпляров этой книги. Кружковцы писали, что познакомились с романом по книге, которую случайно привез с собой один из Новосибирских лекторов, и убедились в том, что «Поднятая целина» может действительно помочь им в пропагандистской работе. Поэтому они перепечатали на машинке некоторые главы из романа, которые и читали крестьянам после своих выступлений. Интерес к роману со стороны слушателей был настолько велик, что некоторые пропагандисты обходились даже без доклада, а прямо начинали с читки, и потом, уже во время неизменно возникавшей беседы, успешно добивались нужных им выводов.

Машинописные копии трепались, слушатели возмущались тем, что им дают лишь кусочки романа, и, в конце концов, разворовали все экземпляры. Так как товарищ из Новосибирска не пожелал оставить им экземпляр, как библиотечный, то при отъезде пропагандисты попросту украли его. Но делать бесконечные копии они были не в состоянии. Увы! Мы смогли послать им всего три экземпляра.

Об этом случае много тогда говорили в институте. Очень жалею, что это письмо – истинно эпохальный документ – не сохранилось.

Кроме испытанных мастеров литературы – А. Н. Толстого и В. Я. Шишкова – в Институте в конце двадцатых и в тридцатых годах неоднократно бывали молодые писатели: А. Прокофьев²², В. Саянов²³, Ю. Либединский²⁴, М. Чумандрин²⁵, В. Рождественский²⁶ и другие.

Так сама литература пришла в Институт и, естественно, это создавало атмосферу большого интереса к художественному творчеству.

Немалую роль в массовой работе молодой кафедры сыграл уже упомянутый мною курс политпросветработы с художественной литературой. Он просуществовал всего два года, до реформы Института. Студенты не только составляли планы тех или иных литературно-пропагандистских мероприятий, но и проводили последние на заводах и фабриках Ленинграда, одни – в клубах, другие – в красных уголках во время обеденных перерывов. Успешность мероприятий измерялась повышением спроса на рекомендованные книги в заводской или клубной библиотеке, поэтому мы заранее входили в соглашение с библиотекой об ее пополнении этими книгами. Каждое мероприятие обязательно заканчивалось раздачей слушателям рекомендательных списков по проведенной теме, и студенты привыкли считать рекомендательную библиографию твердой основой литературно-пропагандистской работы. Студенты приучались составлять небольшие, но содержательные доклады на заданную тему и читать их не по письменному тексту, а обращаясь непосредственно

к публике. Приходилось учиться и читать выразительно и даже декламировать, и студенты убеждались, что при желании и настойчивой работе, каждый может стать неплохим иллюстратором. Не забывали мы и наглядной агитации: изготовлялись плакаты, передвижные выставки, – словом, для каждого находилась работа по вкусу, но каждый должен был уметь делать все.

Сколько бывало волнений, когда подготовленное мероприятие выносилось, наконец, в предназначенную для него аудиторию! Рабочая публика обыкновенно встречала студентов очень благожелательно. Но, тем не менее, вся группа с волнением и придирчиво следила за выступающим. Сколько споров и увлечения бывало потом на обсуждении проведенного мероприятия, и с каким нетерпением ждали в течение месяца статистических сведений от заводской или клубной библиотеки!

Я очень жалел о ликвидации этого курса в связи с переходом на новые программы, и кафедра пользовалась каждым подходящим случаем, чтобы приучать студентов к массовым мероприятиям. Об одном таком случае я считаю нужным рассказать подробнее.

Дело происходило в 1937 году незадолго до юбилейных Пушкинских дней. Институт шефствовал тогда над Волосовским районом нашей области. Мы поставили себе задачей провести силами кафедры и студентов одновременно во всех культурных точках района Пушкинский вечер. Волосовские районные комитеты партии и комсомола и районный отдел народного образования встретили нашу инициативу с большим одобрением и обещали помочь, подготовив помещения, транспорт и предварительную агитацию. Кафедра выехала в полном составе. Несколько лучших студентов также были привлечены в качестве докладчиков, а, кроме них, большое количество студентов и студенток подготовились выступать в качестве чтецов и даже певцов. У последних некоторые романсы под гитару получались совсем неплохо.

В назначенный день мы вывезли в Волосово целый вагон «пушкинистов». В Волосове нас уже ждали и встретили очень тепло. У здания Райисполкома мы увидели много саней, грузовики и даже несколько потрепанных «газиков». Это был транспорт, присланный с мест.

Пообедав в районной столовой, докладчики и иллюстраторы стали разъезжаться по намеченным местам. Районный вечер состоялся в большом помещении, не вспомню уж – дома культуры или школы. Зал был переполнен публикой: местным партийным и советским активом, сельской интеллигенцией и крестьянами. Мой полуторачасовой доклад слушали без перерыва, чрезвычайно внимательно. Чтецы и певцы понравились публике, и некоторые номера были повторены по общему требованию.

Вся публика и местные организации очень благодарили. Мы закончили вечер к 11 часам, а вскоре стали возвращаться и выезжавшие вглубь районов.

Выяснилось, что всюду вечер прошел удачно, и потому у всех участников было приподнятое настроение. В час ночи выехали обратно. Но никто спать не хотел: все наперебой рассказывали о впечатлениях, пели песни.

Этот эпизод наглядно показал, как может быть продуктивна массовая литературная работа, если серьезно втянуть в нее студенческий коллектив. Нечего уже говорить о том, что повышается интерес самих студентов к овладению литературными знаниями, воспитывается вкус.

Все члены кафедры взялись за работу над диссертациями, и это повлекло за собой, первым делом, оживленные обсуждения вопросов методологического характера, в то время весьма сложных из-за ошибочных теорий, смущавших не одного литературоведа. Эти обсуждения, всегда страстные, оказались весьма полезными и для наших искусствоведов. Слушая очередную главу чьей-нибудь диссертации и споры, вокруг нее разгоревшиеся, искусствоведы применяли полученные выводы к своим работам. А литературоведы с не меньшим интересом слушали главы из солидной монографии А. Будяковского о Чайковском, доклад Л. Пумпянского о портретах В. Серова, главы из книги Э. Арнольди об истории зарубежного кино.

Особенно продуктивно шла работа над диссертацией Н. П. Гули. Интересуясь происхождением поэзии и ее видов, он изучал древнейшие памятники письменности. Для диссертации он избрал тему: «Афористика древнего Египта», которая потребовала от него серьезного знания древнеегипетского языка. В качестве руководителя для Николая Петровича мы пригласили академика В. В. Струве, который охотно дал свое согласие и даже посещал заседания кафедры, когда Гуля отчитывался о своей работе.

Выступления В. В. Струве бывали глубоко поучительны и увлекательны. Он говорил о каком-нибудь Аменхотепе III или Аменемоне так, словно это были его хорошие знакомые, с которыми он еще вчера встретился где-нибудь в Ленинграде. Иногда он пространно цитировал первоисточники, а потом, спохватившись, переводил их на русский язык. За его поручительством для Н. П. Гули прислали книги из Британского музея и других европейских книгохранилищ.

В результате работы Н. П. Гули получилась ценная монография по истории египетской культуры. Она была представлена к защите в Москве в Государственном педагогическом институте.

Факультетский Совет единогласно присудил автору степень кандидата филологических наук, но высказал мнение, что работа заслужила большего, а именно степени доктора и предложил Гуле защищать диссертацию вторично в Ученом Совете Института. Гуля принял этот совет и через несколько дней вернулся в Ленинград с докторской степенью.

Вторым окончил и успешно защитил свою диссертацию В. Н. Архангельский, писавший о Лескове. Его руководителем состоял симпатичнейший профес-

сор Н. П. Андреев (из Педвуза им. А. И. Герцена), а консультантом – сын писателя А. М. Лесков.

Уже во время войны защитили свои диссертации Н. Н. Кононов (О драматургии Сухово-Кобылина) в Казанском университете и А. Н. Шишмарева («Творческий путь Фурманова к „Чапаеву“») в Казахском Гос. университете.

Окончил и я свою работу «Пушкин в Одессе», но защищать ее не пришлось, так как ученая степень и звание были присвоены мне без защиты диссертации.

Так, шаг за шагом, молодая кафедра становилась «степенной», как острили в Институте.

Постепенно набирая опыт и силу, молодая кафедра развивала свою работу, хотя ликвидация политпросветинститутов (мера, по-моему, глубоко ошибочная) и превращение нашего учебного заведения в Библиотечный институт с трехлетним курсом обучения, поставила ее перед крутым переломом. Впрочем, недостаточность трехлетнего курса выяснилась очень быстро. Начало Отечественной войны, блокада Ленинграда и эвакуация части преподавателей и студентов временно прекратили деятельность Института и кафедры²⁷.

Л. Р. Коган

**Дневник. 1945 г.
Ч. II. 3 июля – 31 дек.**

Алма-Ата – Москва – Ленинград

12 сентября 1945 г.

Вчера вечером, на авось, поехал с вокзала в Институт. Дворник тотчас узнал меня и радостно стал жать руки. Наверху оказались Горш²⁸ и Тихомирова²⁹. Обе радостно встретили меня и обняли. Прибежала старая уборщица и кое-кто из служащих, и всячески выражали свою радость (с. 286).

15 сентября 1945 г.

Первое заседание кафедры. Новый ее состав подобран неплохо. И Рейсер³⁰ и Бухштаб³¹ – знающие и опытные работники. Последний по болезни не был. Шишмарева – старая знакомая, молодые работники – Литвин и Брандис³² производят хорошее впечатление, так же как и Григорьев. Заседание прошло в хорошей атмосфере и привело к единодушным решениям. Кажется, работать можно будет (с. 288).

27 ноября 1945 г.

Вчера во время лекции о Пушкине ни я, ни студенты не расслышали звонка, и лекция без перерыва продолжалась два часа, и закончилась после усиленного второго звонка горячими аплодисментам. Студенты окружили меня и заявили, что могли бы еще часа два слушать. Значит, какие-то силы у меня еще сохранились. И все же мало себе доверяю (с. 344–345).

ОР РНБ. Ф. 1035. Коган Лев Рудольфович.

***

Глубоко приветствую родной Библиотечный институт им. Н. К. Крупской в день славного его сорокалетия. Жалею, что болезнь не позволяет мне в этот знаменательный день быть среди товарищей. Перелистывая в памяти страницы прошлого, я вижу, что не напрасно отдал 50 лет жизни и труда служению книге и библиотечному делу, в том числе 25 лет – нашему Институту. Если бы мне вернули молодость, я сделал бы то же самое, потому что считаю профессию библиотекаря одной из самых важных для подъема культуры миллионных масс, вступающих в мир осуществляемого коммунизма. Хорошие книги заключают в себе тысячелетний житейский опыт, знания, мудрость человечества, впитывают в себя живые соки нашей замечательной советской действительности; они сильнее всяких бомб. Приобщить к ним миллионы людей – великое, святое дело.

Завидую нынешним студентам Института: им суждено быть верными помощниками нашей партии в воспитании коммунистического сознания людей в период грандиозной, от века невиданной стройки.

Твердо запомните, молодые товарищи, чтобы достойно выполнить это дело, необходимо:

Глубоко овладеть великим учением Маркса-Ленина,

Хорошо знать книгу,

Хорошо понимать читателя,

Быть не созерцателем и пассивным спутником жизни, а смело вторгаться в действительность, быть в полном смысле общественным человеком, строителем коммунистической культуры.

А для этого нужны энтузиазм и пафос созидания. Их-то и желаю вам от всей души.

Да здравствует, растет и процветает наш Институт!

***

В день сорокалетия нашего Библиотечного института им. Н. К. Крупской мне хочется с особенной теплотой поздравить моих бывших студентов, дипломанток, аспиранток – Давыдову, Дидковскую, Ефимову, Кумелеву (?), Свиридову, Чагину, Дианову, Алексахину и других, ведущих педагогическую работу в Институте. От души желаю этой нашей смене долгих лет жизни, здоровья, успехов в научной (!!) и педагогической работе и большого личного счастья.

***

Кафедре литературы
Кафедре детского чтения

В день сорокалетия нашего Института шлю поздравление и наилучшие пожелания здоровья, успехов (особенно – в научной работе) всем членам обеих кафедр. Тяжелая болезнь и дремучая старость не позволяют мне провести этот день среди Вас. Но я с отрадой вспоминаю годы нашей общей работы, дух дружества и взаимодоверия, творческие поиски, а подчас и смелые опыты. Вспоминаю все это, и тепло становится на душе.

Всего наилучшего, дорогие друзья!

Старый патриот обеих кафедр

Примечания

¹ Нетупская Ядвига Адольфовна – директор Коммунистического политико-просветительного института им. Н.К. Крупской (1925–1935 гг.), историк; член партии с 1906 г.; член Петроградского и 1 городского райкома РСДРП.

² Дальтон-план, правильнее Долтон-план (Dalton-Plan), система организации учебно-воспитательной работы в школе, основанная на принципе индивидуального обучения. Название получила от г. Долтон (Dalton, США, штат Массачусетс), где она впервые была применена. Создательница Дальтон-плана американская деятельница народного образования Е. Паркхерст проводила опытную работу по этой системе в 1904–1920 гг. в различных школах. При организации работы по Дальтон-плану учащимся предоставлялась свобода как в выборе занятий, так и в использовании своего учебного времени. Учащийся получал от учителя-советчика указание, как ему лучше спланировать свою работу на данный день, а затем работал самостоятельно. Особое внимание уделялось учету работы учащегося, осуществляемому при помощи сложной системы учетных карточек. Роль учителя по существу сводилась к роли консультанта, уничтожалась классно-урочная система занятий. В 20-е гг. эта система проникла частично в советскую школу в форме т. н. бригадно-лабораторного метода (БСЭ. 3-е изд. Т. 7. М., 1972. Стлб. 1549).

³ Кононов Николай Николаевич (1897–1969) – литературовед, специалист по истории русской литературы, специализировался по русской литературе XIX века, читал курс лекций, вел практические занятия, одновременно руководил работой по улучшению грамотности студенчества (в качестве председателя методической комиссии по русскому языку). В 1941 году с преобразованием Коммунистического политико-просветительного института в Библиотечный институт им. Н. К. Крупской. Н. Н. Кононов исполнял обязанности доцента кафедры литературы. В связи с блокадой Ленинграда Библиотечный институт был закрыт, а Н. Н. Кононов был переведен в штат Ленинградского педагогического института им. М. Н. Покровского на должность старшего преподавателя. В марте 1942 г. был эвакуирован в Тамбовскую область, в марте 1943 г. приказом министра просвещения РСФСР был переведен в Рязанский государственный педагогический институт на должность старшего преподавателя кафедры литературы и с февраля 1944 года назначен заведующим кафедрой литературы, где проработал до августа 1951 года, до перевода приказом министра просвещения РСФСР Н. Н. Кононова в Ленинград на должность доцента кафедры литературы Ленинградского государственного библиотечного института им. Н. К. Крупской. В ЛГБИ преподавал до ухода на пенсию в июле 1959 года. На сайте библиотеки Рязанского государственного педагогического университета размещен биобиблиографический указатель Н.Н. Кононова (library.rsu.edu.ru/bibl/kononov.pdf). О нем Ганелин Р. Ш. В Библиотечном институте (некоторые воспоминания и заметки) // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 2 (Июнь). С. 178–182.

⁴ О Николае Петровиче Гуле Ефимова В. А. Довоенная студенческая жизнь: 1939–1941 годы // История. Воспоминания. Документы: к 85-летию Санкт-Петербургского

государственного университета культуры и искусств / отв. ред. П. А. Подболотов. СПб., 2003. С. 72.

⁵ Гуля Ольга Петровна – жена Н. П. Гуля.

⁶ Шишмарева Анна Николаевна – кандидат филологических наук, советский литературовед, автор работ о Д. А. Фурманове.

⁷ Будяковский Андрей Евгеньевич (1905–1941) – музыковед, планировал создание пятитомной монографии «Чайковский. Жизнь. Музыкальная деятельность. Творчество». Во втором томе «Художественные воззрения Чайковского» должно было быть приложение «Библиотека Чайковского в Клину». Замысел этот не осуществился – автор погиб в первый год блокады Ленинграда, труд его остался незаконченным. В составе архива Будяковского сохранились также: картотека и списки. Об этом Айнбиндер А. Г. Личная библиотека П. И. Чайковского как источник изучения его творческой биографии : автореф. дис. ... канд. искусствоведения. М., 2010.

⁸ Пумпянский Лев Иванович (1889–1943) – искусствовед, декан факультета истории искусств Всероссийской Академии художеств.

⁹ Арнольди Эдгар Михайлович (1898–1972) – журналист, в 1920-х гг. корреспондент центральных газет в Ленинграде. С 1930-х годов работал в кино как историк и сценарист. О нем Арнольди Эдгар Михайлович // Кино: Энциклопедический словарь / гл. ред. С. И. Юткевич. М., 1986. С. 29. Арнольди Э. М. Из воспоминаний о первых шагах нашего киноведения // Российский институт истории искусств в мемуарах: сб. / Мин-во культуры Рос. Федерации, Рос. ин-т истории искусств РАН; общ. ред. И. В. Сэпман. СПб., 2003. С. 148–158.

¹⁰ Г. К. Соловьева – в 1950-е гг. на кафедре зарубежного искусства театроведческого факультета Санкт-Петербургской государственной академии театрального искусства (Песочинский Н. О Ленинградской театроведческой школе // Петербург. театр. журн. 2004. № 1 (35). URL: <http://ptj.spb.ru/archive/35/historical-novel-35/oleningradskoj-teatrovedcheskoj-shkole> (дата обращения: 16.12.2013).

¹¹ Ривлин Яков Васильевич (1875–1942) – ведущий библиотеквед 1920-х гг., автор работ по проблемам истории библиотекведения и теории чтения. С 1928 г. профессор книжно-библиотечного факультета Института внешкольного образования, одновременно заведовал учебной библиотекой. О нем Ванеев А. Н. Существенный вклад в научную разработку теории чтения: (к 130-летию Я. В. Ривлина) // Библиотекведение. 2005. № 3, июнь. С. 81–85.

¹² Киперман Яков Ефимович (1893–1938) – библиотеквед, преподаватель, участник библиотечных форумов 1920-х гг. Преподавал в Коммунистическом политико-просветительном институте им. Н. К. Крупской, где также был председателем предметной комиссии по библиотечной работе. О нем Тищенко М. Н. Я. Е. Киперман // Советское библиотекведение. 1989. № 3. С. 73–76.

¹³ Кулаков Александр Петрович (1889–1948), заведовал кафедрой библиографии. См. его работу: Кулаков А. П. Общее библиографическое источниковедение / Ком. полит.-просвет. ин-т им. Н.К. Крупской. Каф. библиотеквед. и библиографии. Л. : [б. и.], 1939. 104 с. Библиогр.: с. 102–103.

¹⁴ Вольценбург Оскар Эдуардович (1886–1971) – в 1920-е гг. один из виднейших библиотечных и библиографических работников Ленинграда. Был заведующим библиотекой ленинградского отделения Коммунистической академии, главным библиотекарем ленинградского отделения Государственной центральной книжной палаты, преподавателем государственного книжного техникума и автором ряда библиографических и библиотековедческих работ, среди которых «Библиографический путеводитель по революции 1905 г.» (1925), «Библиография изобразительного искусства» (2 вып., Пгр.: Книжный угол, 1923). В 1970–1976 гг. вышли три тома его шеститомного библиографического словаря «Художники народов СССР» (Берков П.Н. История советского библиофильства (1917–1967). М.: Книга, 1983. С. 148). Также о нем Острой О. С. Оскар Эдуардович Вольценбург: (Из истории сов. искусствовед. библиогр.) // Совет. библиогр. 1978. № 4. С. 59–75; Ее же. Оскар Эдуардович Вольценбург – книговед и библиофил // Вопросы истории советской книги и библиографии. Л., 1978. С. 52–82; Ее же. О. Э. Вольценбург и ленинградские библиофильские организации 1920–1930-х гг.: Тез. докл. // Актуальные проблемы теории и истории библиофильства. Л., 1982. С. 28–30; Ее же. О. Э. Вольценбург о своем главном труде: Новые документы из арх. сов. библиографов // Совет. библиогр. 1986. № 2. С. 44–46. Вольценбург О. О. Памяти Оскара Эдуардовича Вольценбурга (1886–1971): Воспоминания дочери // Историко-библиографические исследования. СПб., 1992. Вып. 2. С. 120–137; Острой О. С. Вольценбург Оскар Эдуардович // Библиотечная энциклопедия. М., 2007. С. 279–280.

¹⁵ Озерова Галина Александровна (1905–1990) – библиограф-краевед, «родоначальница» краеведческой библиографии России. О ней Маслова А. Н. Галина Александровна Озерова и сибирская библиография // Библиосфера. 2005. № 1. С. 39–45.

¹⁶ Климантов Николай Иванович (сценич. псевд. НАНСКИЙ) (1893–1968), актер, историк лит., работал в Публичной библиотеке в 1942–1947. С 1936 по 1942 служил в Ком. полит.-просвет. ин-те им. Н. К. Крупской (ЛГБИ) в должности лаборанта каф. истории лит. и искусства. В июне 1946 возвратился в ЛГБИ на заведование кабинетом лит. и преп. работу. О нем Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биогр. слов. Т. 3. СПб., 2003.

¹⁷ Галин Борис Абрамович (1904–1983) – русский советский писатель и журналист.

¹⁸ Ставский Владимир Петрович (1900–1943) – советский писатель, литературный функционер, генеральный секретарь Союза писателей СССР в 1936–1941 гг.

¹⁹ Жига (Смирнов Иван Федорович; 1895–1949) – писатель.

²⁰ Браун Николай Леопольдович (1902–1975) – русский советский поэт.

²¹ Мирошниченко Григорий Ильич (1904–1985) – русский писатель-фронтовик, потомственный донской казак. О нем Биографическая справка: [Автор повести «Юнармия» Григорий Ильич Мирошниченко] // Мирошниченко Г. И. Юнармия: Повесть. Ставрополь, 1971. С.157–158; Мирошниченко Григорий Ильич // Краткая литературная энциклопедия. Т. 9. М., 1979. С. 535.

²² Прокофьев Александр Андреевич (1900–1971) – русский советский поэт.

²³ Саянов Виссарион Михайлович (1903–1959) – советский поэт и писатель (БСЭ. 3-е изд. М., 1976. Т. 23. Стлб. 34.).

²⁴ Либединский Юрий Николаевич (1898–1959) – русский советский писатель (Какурина Д. А. Либединский // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Совет. энцикл., 1962–1978. Т. 4: Лакшин – Мураново. 1967. С. 177–178).

²⁵ Чумандрин Михаил Федорович (1905–1940) – советский прозаик (Абелюк Е. С. Чумандрин // Краткая литературная энциклопедия / гл. ред. А. А. Сурков. М.: Совет. энцикл., 1962–1978. Т. 8: Флобер – Яшпал. 1975. Стб. 562–563).

²⁶ Рождественский Всеволод Александрович (1895–1977) – русский советский поэт.

²⁷ Во время Великой Отечественной войны Л.Р. Когана и его семью увезли из Пушкина в Ленинград, а затем по Дороге жизни они были эвакуированы в Эссентуки. (Многие рукописи ученого остались в Эссентуках, и, как вспоминал ученый, там и погибли). Там жена Когана заболела, ее с дочерью направили в Грозный, а Коган некоторое время оставался в Эссентуках. Когда немцы начали подходить к Эссентукам, Коган переехал в Грозный, оттуда с семьей эвакуировались в Новосибирск. В Новосибирске его пригласили на должность чтеца в эвакуированную Ленинградскую филармонию. После Новосибирска Коган с семьей едет в Алма-Ату, где преподает в Университете и высшей партшколе. После войны в 1945 г. Коган возвращается в Ленинград. Здесь его семья поселилась в общежитии Библиотечного института, где и жила до смерти профессора. С 1945 г. Л. Р. Коган заведовал кафедрой русской литературы в Библиотечном институте, где организовал первый в Советском Союзе факультет детских и юношеских библиотек. Подробнее о Л. Р. Когане Топоровский Я. Возвращение Льва. // Новое русское слово. 1998. 1 окт. С. 8; Окна. Приложение к газете «Вести». 1998. 26 февр. С. 2–4.

²⁸ Горш Екатерина Аркадьевна – в 1936–1941 гг. и 1948–1955 гг. заведовала кафедрой библиотековедения.

²⁹ Тихомирова Любовь Павловна.

³⁰ Рейсер Соломон Абрамович (1905–1989) – литературовед, библиограф. В Ленинградском государственном библиотечном институте с 1945 года. До 1953 г. был ученым секретарем, заведующим аспирантурой, в феврале 1953 г. перешел на кафедру общей библиографии. О нем Егоров Б.Ф. Литературовед. Текстолог. Библиограф // За кадры сов. культуры. 1987. 28 сент.; Острой О.С. Литературовед. Текстолог. Библиограф: (К 90-летию С.А. Рейсера) // Библиография. 1995. № 3; Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3. СПб., 2003.

³¹ Бухштаб Борис Яковлевич (1904–1985) – литературовед, текстолог, книговед, библиограф. В Библиотечном институте с сентября 1945 года. О нем Борис Яковлевич Бухштаб: (К 80-летию со дня рождения и 60-летию науч. и лит. деятельности) / сост. М.Д. Эльзон. Л., 1984; Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры: Биограф. слов. Т. 2. СПб., 1999.

³² Брандис Евгений Павлович (1916–1985) – литературовед, критик, прозаик, переводчик. О нем С сентября 1945 года до сентября 1952 года работал в Библиотечном институте. О нем Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: Биографический словарь. Т. 3. СПб., 2003.